

ПАРТИННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Вельможа из конторы Заготскот

Тов. Сталин на XVII съезде партии высказал вельможам—людям, которые считают, что партийные и советские законы писаны не для них, а для дураков. Это те самые люди, которые не считают своей обязанностью исполнять решение партии и правительства и которые нарушают, таким образом, основы партийной и государственной дисциплины.

Таким вельможей является управляющий областной конторы Заготскот Лебедев, который считает, что он может творить все, что ему вздумается.

Лебедев не руководит заготовительной системой, поэтому мясоставщики идут откровенно. Он скандал с классово-чуждыми элементами, засевавшими в областной конторе.

Система Заготскот засорена классово-чуждыми элементами. Особенно их много в областной конторе. Кулаки Чиликин, Чуприн, сын попа Андреев, быв. торговец Логачев, бывший заводчик Смирнов—все эти чужаки пользуются особым уважением управляющего.

Главному бухгалтеру, сыну попа Андрееву, Лебедев разрешил подбирать бухгалтеров для районных контор. Так он подобрал для веселопольской конторы попа Козлова.

Коммунисты областной конторы пытались критиковать деятельность Лебедева, но раз говорили, чтобы он уволил Чиликина, Андреева, Логачева и др. классово-чуждых элементов, но вельможа не хочет считаться с мнением коммунистов и решением первичной организации.

Были случаи, когда отдельных кулаков Лебедев увольнял под нажимом коммунистов, но обязательно с хорошей характеристикой, написанной бухгалтером Андреевым. В трудовом списке «уволненных» Андреев писал: «Уволен по собственному желанию».

Так «по собственному желанию», с прекрасными характеристиками уволены

Леонтьев, Черников, Новиков, Белозерский и Смирновский.

Лебедев не интересуется работой. Он очень редко выезжает в район, не выезжает из кабинета и лишь в выходной день посещает совхоз, которым руководит торговец Логачев, где вместе с сыном попа Андреевым и другими чуждыми элементами весело проводит время.

Правда, в совхозе большие беспорядки, падеж скота, отвратительно идет уборка урожая, он засорен кулаками, но Лебедеву некогда интересоваться совхозными делами, так как выходной день он посвящает пьянству.

Этот зарвавшийся вельможа для того, чтобы успешней гулять, для чего, несомненно, нужны деньги, решил с Андреевым и своим бывшим заместителем Смирновским, деньги, поступающие в контору, не сдавать в банк, а в артель «Прибой».

Конечно, артель «Прибой» никакого отношения не имеет к заготсистеме, но так как там работает брат Андреева бухгалтером, то легко удается скрывать деньги от банка и расходовать их по личному усмотрению вопреки всяким законам.

Лебедев не только не считается с коммунистами, но последовательно ведет борьбу за изгнание их из аппарата Заготскот. Ему удалось выжить парторга Беренко, и «перевоспитать» Молодцова. Сейчас он собирается «откомандировать» для выживания парторга Есеева, он всячески игнорирует коммуниста Белецкого.

Недавно проводились кутовые курсы уполномоченных районных контор, при руководили приспешники Лебедева, а коммунистам, в частности тов. Белецкому, он не доверил.

Первичная парторганизация пыталась дать Лебедеву партийную нагазку, поручила ему руководить кружком, но он категорически отказался, у него «без парторганизации много работы».

Парторганизация должна обсудить, может ли Лебедев иметь «нагазку» члена ВКП(б).

НЕ ПРЕВРАЩАТЬ АКТИВ В БЮРОКРАТИЧЕСКИЙ ПРИВЕСОК ПЛЕНУМА

Некоторые райкомы ВКП(б) в погоне за количеством присутствующих на заседании стирают лицо пленума партийного комитета, превращая его подчас в совещание по хозяйственным вопросам.

12 августа открылся пленум корочанского райкома. На него были приглашены, помимо членов пленума, парторганизаторы, коммунисты—председатели колхозов, сельсоветов, работники сельпо, руководители хозяйственных организаций.

А сколько членов райкома явилось на пленум? Первый секретарь тов. Мордвинков этим не интересовался.

На повестке дня—уборочная и зернопоставки, осенний сев, итоги проверки партдокументов. Последний вопрос секретаря райкома снял, заявив: «Надо переключиться на зернопоставки».

Если внимательно проследить за работой пленума, то будет очевидно странное грани между пленумом и районным собранием коммунистов.

Решения пленумов корочанского райкома оформляются с опозданием, небрежно, а некоторые даже и совсем не появляются в свет. Например, на предпоследнем пленуме обсуждался вопрос о партийной учебе, но попробуйте найти решение по этому вопросу. И сам докладчик (второй секретарь райкома) т. Петров вряд ли найдет его.

Прохоровский райком ВКП(б) проводит так называемые расширенные пленумы, причем на эти пленумы, помимо коммунистов-председателей колхозов и сельсоветов, райком вызывает и беспартийных председателей колхозов и сельсоветов.

Прохоровский райком ВКП(б) так же, как и корочанский, забыл, очевидно, что партия осудила такую практику созыва пленумов, когда партийный актив превращают в бюрократический привесок к пленуму, когда стирают грань между партийным собранием и собранием беспартийных.

Надо на пленум вызывать членов пленума и добиваться, чтобы они присутствовали все, а не 17 из 25, как это случилось в Короче на последнем пленуме.

Райкомы ВКП(б) должны периодически созывать районные собрания партийного актива, «имеющие и должностующие иметь свое особое политическое значение в жизни нашей партии» (из постановления ЦК ВКП(б) от 17 декабря 1934 года).

С. КОЛЫВАНОВ.

Колхоз им. Ворошилова, Орловского района, организовал полевую кухню. Кухня бесперебойно обслуживает бригады, работающие на полях колхоза.

На снимке: повара Орехова М. К. и Гладышева П. А. за приготовлением обеда.

Проверяем подготовку к осенне-зимним перевозкам

РАЗБИТЫЕ, РАЗБОЛТАННЫЕ ПУТИ

К ОСЕННЕ-ЗИМНИМ В ВАЛУИКАХ НЕ ГОТОВЫ

Моторная дрезина «пионерка», подпрыгивая на стыках, мчит нас по валуискому станционному парку.

Старший дорожный мастер 16 дистанции тов. Староватых то и дело останавливает дрезину и знакомит нас с дефектами путевого хозяйства. Ничем хорошим он похвастаться не может.

В некоторых местах крестовины изношены до такой степени, что проходящие по ним колеса паровозов и вагонов, совершенно не касаются поверхности рельсов ободами, а упираются ребром в основную крестовину.

Крайне изношены и стрелки. Брусчатые рамы, служащие основанием для стрелок, во многих местах прогнили.

Чтобы отремонтировать их,—объясняет тов. Староватых,—нужны новые бруссы, а бруссы нет. Когда мы написали об этом начальнику службы пути управления тов. Чернявскому, то нам посоветовали заменить бруссы шпалами, скрепляя их по две. Но не одной шпалы у нас нет, об этом управлению известно.

Свыше 10 километров рельсов и около 5 тысяч шпал требуют немедленной замены. Износ рельсов сплошь и рядом достигает 10 и даже 15 миллиметров (при нормальном коэффициенте в 3,5 и допускаемом в 7 миллиметров).

За прошедший месяц было 52 случая, когда износившиеся рельсы ложились. Только благодаря бдительности дорожных мастеров и путевых обходчиков удалось предотвратить аварии.

В полную негодность пришли 20 стрелок и 14 крестовин. Срочно необходимо заменить 10 тысяч кубометров балласта.

Не располагая кредитами, не имея в запасе рельс и шпал, испытывая нужду даже в накладках и костылях, дистанция пути вынуждена только делать, что бомбардировать управление дороги бесчисленными рапортами.

Приведенный выше ответ начальника службы пути является единственным на все эти просьбы.

В остальных случаях Чернявский хранит упорное молчание.

НАПРАШИВАЕТСЯ ВОПРОС: как же все-таки ремонтируются пути, если дистанция не располагает ни средствами, ни материалами?

Делается так: если внутренняя сторона рельсовой головки окончательно изношена, то... рельс переворачивается: внешняя сторона идет в середину и... остается только ждать аварии. Прогнившие старые шпалы заменяются старыми же, выбранными из прежде смененных.

«Пионерка» останавливается у стыка. Невольно обращаем внимание на трещину в накладе.

Таких накладок в пути более 500,—говорит тов. Староватых.—Приходится, оставляя треснувшую накладку с одной стороны, давать здоровью с другой и, таким образом, выходить из положения...

16 дистанция встречает осенне-зимние перевозки абсолютной неподготовленностью путевого хозяйства.

Т. ГАЙ.

ЗАБЫТЫЕ СТРЕЛКИ

Стрелочное хозяйство станции Курск в крайне запущенном состоянии.

На посту № 10 нет сигнальных принадлежностей, молотков, железной лопаты, горелок для лампочек, ручных фонарей. Буква не отремонтирована, грязная, печь развалилась.

Детские стрелки грязные и неисправные; их никто не обслуживает, хотя должны обслуживать посты № 10 и 11.

На постах № 8 и 9 в будке печь неисправная, требует ремонта, крыша худая. Стрелка № 49—47 (стрелочник Хлопанов) в отвратительном состоянии, фонарь Бендера сломан. Будки всего запасающего парка требуют основательного ремонта.

На первом водопойном пути флягарка на стрелке № 130, имеющая важное значение—ПВНОВ и ЛУК'ЯНОВ (стрелочники), Ал. ДРОНОВ (рем. «Рельсы гуляют»).

СИГНАЛЫ С МЕСТ

Вынужденный аборт

20 июля ко мне—акушерке курского абортария—обратилась М. Ф. Распопова, проживающая во дворе табачной фабрики—Золотаревская, 26—и попросила дать ей справку, что она не беременна.

Спрашивая, для чего понадобилась такая справка? Оказывается, Распопова подала заявление зав. механическим цехом табачной фабрики В. Кондратову о принятии ее на работу.

—Принеси мне справку, что ты не беременна,—потребовал самодур Кондратов. Очень тяжело было Распоповой лишиться радости материнства, но, чтобы поступить на фабрику, она вынуждена была на втором месяце беременности сделать аборт.

Кондратов забыл, что советский закон строго карает тех, кто вынуждает женщин на аборты. Кондратова надо сурово судить.

А. ТУРКИНА.

В Прохоровском районе прокуратура бездействует

В магазине шобекинского сахрабкооп (Прохоровский район) завянул Данченко продавал сачками саксаевых пояса, стоимостью в 1 р. 25 коп., по 2 р. 60 к. штуча. Пояса, стоимостью 2 р. 45 коп., продавались по 2 р. 60 коп.

В буфете станции Прохоровская зав. буфетом Грекову миллиграмм сельди вместо 9 р. 70 копеек обходится в 15 рублей.

Материал об этих безобразиях был передан вридпрокурору тов. Ишнову, но он отказался принять меры по переданному ему материалу.

В прокуратуре района вообще не все благополучно. Прокуратура явно либерализирует с расстратчиками, дела на расстратчиков маринуются годами. Например, дело расстратчика Красновского С. И. маринуется у следователя с 4 июля 1934 г., дело Курсова А. Ф.—с марта 1934 г. и Мамонтова, расстратившего 1710 рублей, лежит без движения с 16 мая 1935 года.

Слово за областной прокуратурой.

МАРКОВ.

Когда же я получу расчет?

Из-за отсутствия средств Захаровский сельсовет, Коньшевского района, где я работаю заведующим д. черемниновской ШКМ в 1933 г., при увольнении не рассчитал меня полностью. Я оставил доверенность и уехал в Москву, но денег не получил. Во время зимних каникул 1934 года я отправился в Коньшевск. За содействием обратился к зав. райФО Машкину.

Он предложил Захаровскому сельсовету со мной немедленно рассчитаться. Денег снова не оказалось. 564 рубля мне пообещали высказать, когда будут. Я снова не получил ни копейки.

Подал заявление в Наркомпрос. Последний запрашивал областного и коньшевского прокуроров. Безрезультатно.

На заказное письмо я так и не получил ответа.

РЫШКОВ А. Н.

ДВА ПАРИЖА

Из доклада писателя Ф. И. ПАНФЕРОВА на собрании рабочих свеклосовхоза им. Тельмана 18 августа 1935 г. *)

—Люди Парижа как будто всегда счастливы. Мужчины, женщины, дети, влюбленные гуляют по улицам и паркам. Влюбленных узнаешь сразу: если им надо целоваться—целуются при всех, тут же на улице, и ничего это не удивляет.

Масса памятников культуры. Вот знаменитый Лувр. Луврский музей мы, делегаты мирового конгресса защиты культуры, обходили четыре дня. И этого показалось нам мало. Прекрасный театр... Богатые машины, блестящие такси. Таких этих двух беспрерывных потоками шныряют по улицам города. В пригород идут поезда. Скорость их 60—80 километров в час. Скорость пригородного поезда равна скорости нашего экспресса. А у нас недавно мне пришлось ехать из Москвы до Барвихи. Езды было 18 минут, а поезд задерживал нас... три часа.

На что ни посмотришь в Париже—все блестяще сделано.

Пригород. У нас за город надо взять сумку хлеба, набить в карманы огурцов. Надо предвидеть, что не съедешь на вечерний поезд и приготовиться пожевать под кустом. Там—не только прекрасные пляжи, но и в любом отеле вечером можно снять на ночь номер, совсем недорого. С вас спросят только франк.

Замечательные дороги. Франция испещрена дорогами. Все, даже проселочные, асфальтированы. Если же не покрыты асфальтом, они выложены щебнем так же ровно, как асфальт.

Мы выехали в маленький провинциальный городок, где жила Золя. 120 километров ехали полтора часа. Никакой грязи, никаких ям, канав! Никакого сравнения с теми 90 километрами, которые пришлось нам проехать от Курска до Ивны, когда мы

уже собрались было дорогой оставить свои завещания.

Река Сена протекает Париж и уходит за город. На ней бесчисленные масса купающихся. У нас, когда полезешь в Москву-реку, непременно обдерешься о грабли, о колючки. На Сене сотни удобств. Купальни, на берегу—кафе, киоски, с вином. Французы пьют много виноградного вина, но пьяных нет. Это у нас требуют крепкого вина, чтобы вышел стакан—и с ног долой.

Вы можете спросить, почему же в Париже собрался этот конгресс писателей и учителей для демонстрации в защиту культуры. Есть ли от кого ее защищать? Не надо ли, наоборот, нам перенять культуру Парижа?

Ведь мы у себя на каждом шагу встречаем совсем другие вещи. Вот здесь, в пяти метрах от квартиры начальника политотдела, свинья вырыла яму, в нее нахлестывала дождевые хозяйки добавили туда свои помои,—все это наполняет воздух вокруг такими запахами, что боишься пройти. Ведь таких вещей, кажется, нет во Франции.

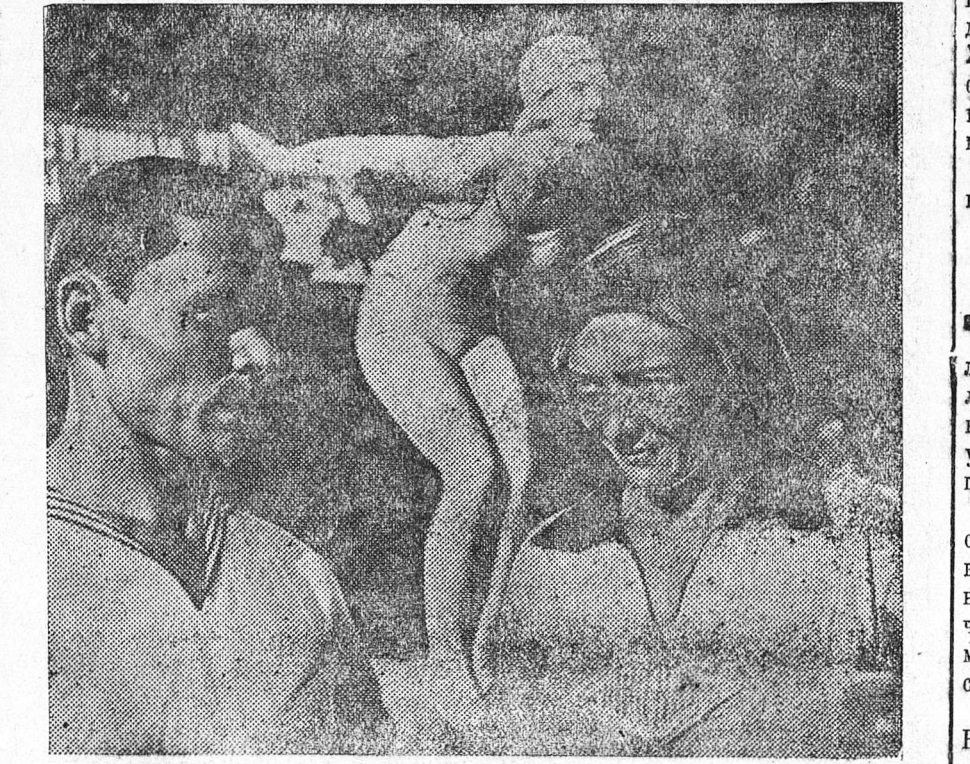
Почему же писатели и учителя собрались на мировой конгресс и заявили протест против ухудшения и уничтожения культуры и признали, что единственным спасением мировой культуры является Советский Союз? Признали—зная, что у нас есть и грязь и не всем хватает сапог, и не все ходят в пиджаках и галстуках. Почему?..

Есть, товарищи, два Парижа.

Один Париж—тот, который за франки гонимые показывают иностранцам и туристам. Этот Париж поражает великолепием и блеском.

Но надо копнуть глубже—и вы увидите Париж другой. Это—страшная картина... Однажды один человек повел нас в дом терпимости. Называют дом этот—«Дом безработных».

Я раньше читал и знал о таких домах. Я пошел туда потому, что хотел видеть все стороны жизни Парижа. Но то, что я

XI спартакиада Красноморского Балтийского флота. А. М. Копеев—радист части, который командует Самбургским, и Копеев—жена командира—установили два новых рекорда на Балтике по прыжкам в высоту сразбега: т. Копеев прыгнул на 175 см., т. Копеев—140 см.

На снимке: тт. Копеев и Копеева.

увидел, было совершенно потрясающим.

Мы подошли к огромному четырехэтажному дому с зарешеченными окнами. Внутри, за барьером, мы увидели примерно 150 человек, ждущих в очереди. Люди, изможденные, худые, обреченные пришли сюда, чтобы получить то... что надо человеку. Это не разврат. Эти люди не имеют средств, не имеют угла, чтобы жить с семьей. Может быть, вот этот мужчина, бледный, полуголодный, стоящий в очереди, боролся с самим собой два года и потом случайно зашел в этот барьер и вот пришел. У него есть сегодня заплатить за вход, за девушку и заплатить за кружку пива (братство нужно непременно, без этого не пустят).

Среди этой толпы шныряют совершенно нагие девушки. На них ничего нет, кроме туфель. И слышно только одно: «Дайте денег». Из очереди мужчины уходят с девушками и возвращаются буквально обезоруженными, с выражением отчаяния на лицах.

Я спрашивал у содержательницы этого заведения, откуда и каких девушек вербует она в этот дом. Она ответила: —Берем больше всего из деревни. Им, нашим девушкам, по 18—20 лет. У нас они живут никогда не дольше, чем год—два. Через год—два они уже не нужны, их выкупают, беря взамен других.

Вот эти выброшенные ловят вас на каждом перекрестке улиц Парижа. Их в Париже десятки, сотни тысяч.

Есть особые дома—для попов. Идут туда люди как люди, в кепках. Но вот он переходит порог, входит, снимает кепку, встряхивает волосы—поп.

Есть страшные, отвратительные кафе—мелких жуликов.

У кафе педерастов, тут же на улице, возле столиков, где сидят «посетители», выстроились мальчики. Их подбирают—и уходят с ними.

Все это—гниль. Придет во Франции советская власть и всю эту пшавь помянут рыть канавы. Но сейчас все это живо.

У Золя есть роман—«Чужой Париж». Золя описал там центральный рынок, кормящий весь Париж, описывал людей этого рынка и закончил роман словами:

—Какие все-таки эти люди мерзавцы! Мы захотели посмотреть, какие люди сейчас, через много десятилетий, на том же парижском рынке.

Там нет телег, как при Золя. Продукты привозят на шикарных машинах. Рынок застроен блестящими магазинами. Но правая всем этим громадным рынком три мерзавца, три магната.

ложив под голову газеты или стружки, спят люди. У них нет дома, нет ночлега, но на каждом—воротничок. Такое в Париже установлено правило, чтобы каждый носил пиджак, галстук, воротничок.

На земле у много спящего галстука сбился на сторону, приоткрылся ворот и мы увидели, что под пиджаком на нем одна маляшка, ничего больше нет. В другом месте человек не может спать, его заели насекомые, он сидит и бьет впей. Но и на нем, сверху—пиджак, галстук, воротничок.

Днем эти люди ходят и ищут работы. Ночью вы их найдете всюду—под мостами, на этом рынке, под скамейками булавов опавшими, измученными, изголодавшимися, больными.

Их выселяют из Парижа эшелонами. А они ежедневно, ежедневно рождаются вновь на улицах и под мостами, потому что не убита основная причина, порождающая их безработицу и нищету.

В Париже есть площадь Бастилии. На ней устроена высокая колоннада, наверху так называемый «Гений свободы»—ангелочек с крыльями. Но ровно через два квартала—рабочий район, и там—грязные улицы, драки и пьяные. В квартире рабочего ничего нет, кроме грязи и ребят—синих, бледных, болезненных. Самый нищий рабочий район—Зона. Там живут в землянках, в насорох сколоченных сараях вроде свинарников.

Надо сравнить это с Елисейскими полями, с их ресторанами, в которых—в одном «старом» только негры, в другом—только бывшие русские офицеры, в третьем—подают только бывшие русские полковники—не ниже чина. Вечером Елисейские поля загромождены тремя—четырьмя тысячами автомобилей. Они занимают всю эту огромную, длинную улицу. А их владельцы пьянствуют в роскошных домах.

Два Парижа. Париж один—Париж высокий разгульный и высоко развратный. Париж второй—Париж нищеты, бедности, угнетения и тупика.

Сравнить эти два Парижа—и ясно станет, почему писатель пришел на конгресс и заговорил.

Гуманизм. Это слово было почти во всех речах на конгрессе писателей. Да и всегда все лучшие писатели и художники мира

были гуманистами, в самом лучшем смысле этого слова. Мы, писатели, проверяли и рассматривали сегодняшнюю жизнь Парижа по произведениям писателей прошлого. Бальзак, Золя в свое время так же стояли за высшие идеалы гуманизма, как и теперь стоят за них Андре Мальро, Жид, Майкл Голд. Но как же выглядит для них—для современных писателей Западного гуманизма хотя бы в жизни того же Парижа?

Есть крепость Верден—в 100—120 километрах под Парижем. Это место боя, в котором около полутора миллиона людей пало с обеих сторон—у французов и у немцев. Мы были в Вердене. Все здесь изрыто воронками, перевернуто, отравлено газом, земля до сих пор ничего не рождает.

Голая пустыня. И здесь сооружена гигантская могила из мрамора, а около нее поставлены двадцать тысяч крестов. Под склепом могила—подвал. Снаружи через маленькие стекла видны в нем миллионы человеческих костей.

Американцы переделывали французов. Они поставили у одной такой могила 40 тысяч крестов.

У границы сохранили один окоп. Когда подходишь—видишь: из него торчат штыки и руки. Это тоже памятник. Враг завалил этот окоп снарядами и огнем своей артиллерии, похоронил солдат в заваленном окопе.

На одной площади Парижа есть еще памятник. Стоит солдат. В руках его знамя. Солдат худой, изможденный. На памятнике надпись: «Вы пали, но враг дальше не пошел».

Зачем наставляла буржуазия эти памятники? Она хотела, чтобы, видя их, говорили: «Буржуазия очень благодарна тем, кто лет за нее костью».

Но просят обратное. Массы видят памятники, кости, сорок тысяч крестов и говорят: «Войны не должно больше быть». И вспоминают советскую страну, Ленина, Сталина—дагерь, в котором войны не хотят. Вспоминают десять миллионов убитых в последней мировой войне. И еще раз говорят: «Войны не должно быть».

Они видят вокруг себя, с одной стороны войну, с другой—фашизм. Видят, что Париж не блестящий. Есть два Парижа, где гибнут люди. И делают отсюда выводы...

*) По живой корреспондентской записи.